

Помню,
как пахла киноплёнка диафильма,
а на экране «Аленький цветочек»,
и папа жив и молод, и прощать легко...
Громко
болонка белая залает где-то
во сне всё это, не иначе, помню,
как в заводском посёлке бабушка пекла пирог.
Только
цветочек аленький завял, столетний,
болонка померла – лет тридцать с лишним
тому назад, а вот посёлок жив, конечно,
стоит, пытит, на зависть тем, кто мёртв.

ОТЦУ

Всё-то ты приемлешь,
Русский человек.
Снег целует землю.
Белый, белый снег.

Почитай, всю зиму
Он идёт, идёт,
Неостановимый
Белоснежный лёт.

Вдоль домов высотных,
Вдоль озёр и рек.
Вот и ты – босота –
Божий человек

В тот ноябрьский вечер,
Белым снегом став,
С ним ушёл далече,
Смертью смерть поправ.

Ты теперь прохожий,
Ты теперь – снега.
У тебя под кожей
Колкая пурга.

Ну, а если в зиму
Снега намело –
Это, чтоб могли мы
Просто и светло

Вспоминать, приемля
Грусть земных сердец, –
Снег целует землю.
Снег... и мой отец.

* * *

На языке лесных цветов и трав,
всех любит Бог: и бабочек и змей.
Замри на миг, пойми, кто был не прав,
и кто был злей?

Сквозь запахи невинных медуниц
моя душа к твоей душе прильнёт,
став ласточкой, в траву упавшей ниц
на гнев и гнёт.

Земли лесной – мы были её и боль,
цветы и травы, выжженные в зной.
Земля звенит высокой нотой «соль»,
жжёт эхо за спиной.

В разгаре увядающего дня,
я вдруг с недоумением пойму,
что дела до тебя и до меня
нет никому.

Под ласточкино синее крыло
вползла змея неверного пути.
И никому из нас не повезло.
А бабочка летит.

* * *

В непроглядный рассвет октября,
На асфальт антрацитовый глядя,
За последнее благодаря,
В мир смотрю, что теплом обокраден.

В сквер, что лысого чёрта страшней,
Пробирается холод змеиный.
И античного мифа древней
Распадается мир на руины.

А потом расщепляется на
Сто извивов асфальтовых трещин...
Перелив золотого руна
Так ошибочно был нам обещан

На коварный вопрос октября
Слишком красноречиво молчу я
Пусть другие теперь говорят,
Но страны под собою не чуют

И с октябрьской скупостью злой
Пусть руно догорает в кострище...
Все мы станем однажды золой
на большом мировом огневище

из обманутых волей чужой,
из оболганных, мытарей сирых,
лишь бы за порубежной межей
нам не отмежеваться от мира.

В сотый раз умолчу обо всём,
что могло бы свершиться однажды.
Что теперь к небесам вознесём
с аргонавтовой жаждой?

Какой снегопад!.. Как с холста
крахмальной небесной простынки,
на жизнь от креста до креста –
на землю слетают снежинки.

Небес не касайся рукой,
чтоб глупое сердце не выжечь.
Не тронь мимолётный покой,
который тем чище, чем выше.

И нам, дуракам, поделом:
безверием в чудо стеснённым,
пусть вьюга идёт напролом
и сеет снежинки гулёные.

В их форме шестилучевой
нездешние замыслы скрыты
и слёзы твои, как впервой,
из этих снежинок отлиты.

Забыв и покой, и престиж,
в слепящую смотришься зиму.
Прости эту снежность! Простишь?
Прощение невыразимо.

ТРЁХСЛОВЬЕ

Ни полслова тебе! –
за меня говорят молча камни,
теплоту наших рук
они хорошо сохранили
и теперь отдают
постепенно озябшему или
отдалённому миру.
Их память и щедрость близка мне.
Ни полслова тебе.
За меня всё расскажут озёра –
эти впадины глаз
отражают усталые утра,

половинки ракушек
выбрасывая с перламутром,
а над ними несётся
отчаянье чаячьим ором.

И раскрыла безлеса тундра
объятыя трёхсловью,
но на крыльях полярной совы
оно испарилось.
Север бел. Север пел,
снег и ягель швыряя, как милость!
Или просто привиделось мне
в беспросветном зимовье:

север белым медведем предстал,
обернулся в метели,
но искристая рыба безблёсного
редкого слова
в серебристой воде ускользнёт
от подлёдного лова
и непойманной канет,
уйдёт в глубину, где форели

затаились,
а я?

– Ничего не скажу тебе больше,
никогда не скажу,
даже если свечением
Кольским
все пророчества
дышат,
реченья
мерцают
и знания
тают
вовек...